

О.В. Зотов
ИВ РАН

Вопросы историографии Восточного Туркестана в эпоху трех мировых войн

Большая публика имеет об этом
самое беглое, анекдотическое представление.

А.Е. Снесарев

Свеча горела с двух концов,
свеча горела...

Б. Пастернак – Э.Д. Росс

Страна-призрак под завесой тумана

Комплексному изучению истории Восточного Туркестана и системному ее обобщению не везло ни в России, ни за рубежом. Прежде всего потому, что Синьцзян оказывался то в тени (как то бывает на рассвете) расположенного на востоке огромного Китая, то (как в полдень) – в тени расположенного к югу более экзотического Тибета, то, как на закате, в тени Средней Азии (как «*Малая Бухария*» возле Большой – Средней Азии; без учета того, что Синьцзян по площади равен половине Западной Европы). В международной политике роль Восточного Туркестана постоянно оказывалась либо недооцененной, либо в тени. Присоединение Средней Азии к России, когда Синьцзян обозначился как фактор глобального противостояния держав (в виде *Восточного вопроса*), принципиально мало что изменило: интерес западной науки к Синьцзяну возрос, но при этом ограничивался либо древними памятниками, либо утилитарной военной статистикой современности. Примерно таким же оставался и научный интерес к Синьцзяну в России. Даже многолетний консул России в Кашгаре Н.Ф. Петровский (1882–1904) оставил после себя сообщения об археологических памятниках, манускриптах и «Краткий обзор Восточного Туркестана», ограниченный вопросами экономики.

© Зотов О.В., 2007

Сразу отметим, что в книге «Восточный Туркестан глазами русских путешественников» (см. [7]) доклад Н.Ф. Петровского Главному штабу воспроизведен лишь частично: наиболее существенные политические оценки состояния Синьцзяна оставались под грифом «секретно» с 1885 г. и остаются до нашего времени (см. [11]). Генеральный консул России в Кашгаре Н.Ф. Петровский был не только талантливым дипломатом и политиком, но человеком военного склада ума и характера, в молодости – офицером. Маньчжуро-китайские чиновники и британские согладатии в Синьцзяне его просто боялись. В народе он пользовался уважительным титулом «Новый Чагатай» (Чагатай – сын Чингис-хана, правивший Средней Азией). Сфера интересов и деятельности Н.Ф. Петровского – география, история, экономика и политика, т.е. весь спектр геополитики как высшей стратегии (к сожалению, история – меньше всего).

К началу XX в. наибольший вклад в изучение Восточного Туркестана внесли, по существу, военные географы. Их описания Синьцзяна уже в силу требований самой военной географии как научной дисциплины (всесторонность, комплексность, максимальная точность и обстоятельность) превосходят гражданские аналоги с их разрозненной информацией. В данном плане наиболее заметны «Описание Алтышара» ротмистра Ч.Ч. Валиханова (1861), «Кашгария» подполковника Генштаба А.Н. Куропаткина (1879) и «Кашгария, или Восточный Туркестан» капитана Генштаба Л.Г. Корнилова (1903). Все трое были активными разведчиками (одно время даже нелегалами); такого рода деятельность заостряет внимание, интуицию и навыки выделения сути любых явлений, процессов. Но в силу конкретных обстоятельств указанные офицеры не смогли применить эти свои способности к комплексной оценке исторического процесса в Восточном Туркестане, очерки истории Восточного Туркестана в их работах занимают далеко не самое важное место.

Достоинно, однако, внимания, что именно в русло их военно-географической методологии постарался встроиться В.В. Григорьев, чей капитальный обзор истории Восточного Туркестана (уже более 130 лет не имеющий аналогов и до сих пор не превзойденный; см. [9, с. 4]) был создан как «Дополнение» к «Землеведению Азии» классика германской геополитики К. Риттера – профессора Берлинской военной академии. Григорьев посвятил 1-й том своего труда историческим свидетельствам о городах и оазисах Восточного Туркестана, 2-й – последовательному обзору всех периодов восточнотуркестанской истории. («Города и годы», пожалуй, самое оптимальное определение работы Григорьева.) Но при всем том В.В. Григорьев (кстати, тоже военный разведчик – начальник так называемой Оренбургской пограничной комиссии; см. [21]) успел *суммировать* доступные в его время исторические данные и материалы по истории Синьцзяна. (Его работа органично дополнила китаеведческий обзор истории Синьцзяна И. Бичуриным.) Но объединить эти данные, не располагая новой методологией, было немислимо: «мозаичный объект» попросту ускользал от сколь угодно широких эмпирических обобщений. (Необходимую методологию много позднее предложит еще один военный разведчик и ученый, генерал

А.Е. Снесарев: он разовьет переход В.В. Григорьева от географии к истории в виде триединства гео-историко-политики; при этом история становится сердцевинной научной геополитики.) В этой связи выглядит достаточно странным совет рассматривать Синьцзян «не вдаваясь в историю» (?!), поскольку «тема уйгурского сепаратизма звучит все глуше», а «Синьцзян окружен плотной завесой молчания» (см. [14, с. 247–249]). Чтобы преодолеть подобную завесу в любое время и в любой обстановке, генерал Снесарев советует исходить из принципа «история – единственный путь к цели». К Восточному Туркестану этот принцип применим в первую очередь: только системно-исторический подход позволяет понять логику его исторического развития. Не владея данным подходом, даже такой авторитетный специалист, как академик В.В. Бартольд, ошибочно посчитал Китайский Туркестан «страной прошлого без будущего» (см. [2, с. 335]). Но поскольку будущего без прошлого, и наоборот, не бывает, получается, что у Синьцзяна и прошлого не было.

В данной связи вспоминается рецензия А.Е. Снесарева на Бартольдов «Историко-географический обзор Ирана». «Пока первоисточники остаются по большей части неиспользованными и неизданными, едва ли возможно составить курс, который заключал бы в себе не только обзор внешних событий, но также научно обоснованное объяснение исторической эволюции», – А.Е. Снесарев цитирует В.В. Бартольда и... явно не соглашается с ним. Он поясняет: «Автор при изложении столь строг к себе, что почти избегает каких-либо обобщений и еще более догадок. Вся работа производит впечатление чисто аналитической и... черновой» (см. [18, с. 35–39]). Косвенно, но куда откровеннее несогласие с подходом В.В. Бартольда выражено А.Е. Снесаревым в более ранней рецензии на «Сердце Азии» Скрайна и Росса: «установить голый, но правдивый исторический факт» и тем ограничиться для установления истины совершенно недостаточно, напоминает А.Е. Снесарев; напротив, полученный результат «напомнит, скорее всего, какую-нибудь легенду», поскольку «перечень исторических фактов без всякой взаимной связи между ними, без всякой причинной зависимости будет туманен, бессвязен, исторически нелогичен» (см. [17, с. 46]). В.В. Бартольд же (в силу трудноустраняемой – до сего дня – неполноты источников и малочисленности исследований конкретных проблем) как раз избегал гипотетических (вполне проверяемых, но при этом, конечно, рискованных) обобщений. А.Е. Снесарев напоминает В.В. Бартольду, что тот мог бы – осммотрительно – воспользоваться более передовыми методами как традиционной географии, так и новейших естественных наук (движимых вперед именно творческой смелостью гипотез). Неупорядоченность современных центральноазиатских исследований, насчет которой сетует Дж. Шоберлейн, объяснима далеко не только дефицитом их организации, координации или даже интеграции, но и традиционной боязливостью, пассивной привязкой к изолированным «столбам» голых фактов, лишенных «ветвей» гипотез, «листьев» выводов и «плодов» решительных обобщений.

Одновременно с 1-м томом работы В.В. Григорьева (1869) в Англии появилась служебная записка британского разведчика и тайного дипломата Нея Илайеса (Elias, 1844–1897) о Восточном Туркестане под названием «Цивилизация в окружении пустынь». Ее структура и конкретное содержание в точности не известны, как и содержание большей части написанного Илайесом (см. [28]). Он, однако, сыграл важнейшую роль в историографии Восточного Туркестана как редактор перевода могольской (могульской) хроники «Тарихи Рашиди». Работу по переводу и комментированию хроники (почти 500 страниц плотного английского текста – пожалуй, самого объемного письменного памятника восточнотуркестанской культуры) совместно осуществили Илайес (в тот момент генконсул и резидент в Мешхеде) и молодой профессор-востоковед Денисон Росс (1871–1940; позднее также работник спецслужб в Индии и Англии, затем первый директор восточного факультета – School of Oriental Studies – Лондонского университета; автор мемуаров под загадочным названием «Оба конца свечи» (см. [29]); одну из его работ рецензировал А.Е. Снесарев).

Работе над хроникой предшествовала примечательная история. Список хроники добыл британский «коммерсант» Р. Шоу, посетивший Восточный Туркестан в период его отделения от Китая (1864–1877). Шоу скончался при подозрительных обстоятельствах, а рукопись исчезла. Но Илайес, используя британскую агентуру в Кабуле, добыл другой список «Тарихи Рашиди», который и был переведен на английский (единственный иностранный) язык. В России имеется свой экземпляр «Тарихи Рашиди», но ее перевод не состоялся: очевидно, англичане видели в хронике ценный источник историко-политической информации, а в России таковой не усматривали. Однако значение «Тарихи Рашиди» (см. [24]) как источника по истории Восточного Туркестана велико – эта обширная рукопись кузена Бабура и впоследствии правителя Кашмира могола Мухаммеда Хайдара из клана Дуглат освещает события XIV – начала XVI в., когда власть над всем Восточным Туркестаном оспаривали ханы и султаны-Моголы, а присутствие Китая в каком-либо виде отсутствовало; впечатление таково, что Китай вовсе не существует на свете.

Изучение Синьцзяна лишь как Синьцзяна (в период его новой и новейшей истории – владычества империи Цин и позднейший республиканский), как это делает Дж. Милуорд (см. [27, с. 121]), малопродуктивно: теряются целых два предшествующих тысячелетия истории Восточного Туркестана (см. [5]), а страна со своей богатейшей историей появляется как бы вдруг и неизвестно откуда. В данном контексте, во-первых, политико-экономико-этнографическое описание Синьцзяна не дает сколько-нибудь четкого ответа на вопрос о геополитическом значении как его самого, так и Китая, важнейшей частью которого остается Синьцзян. Во-вторых, рамки новой истории дают слишком узкий обзор и ничтожную «перспективу» – когда теряется из виду немаловажная роль государств Кашгарии (Восточного Туркестана), начиная с античной истории Европы и Передней Азии (I–II вв.), средневековой истории на пике арабских завоеваний (сер. VIII в.) или в период татаро-монгольской экспансии XIII в. Малопродуктивен и «фоновый» подход

к истории Восточного Туркестана лишь как декорации современного уйгурского национализма (см. [22]). Такой «фон» лишен должной системности и чересчур фрагментарен; при нем ход истории страны и региона остается невнятен, а ее логика вообще непонятна. Для Франсуазы Обэн, добросовестно изучившей доступную ей литературу по Восточному Туркестану, остается, к примеру, загадкой преемственность древних и современных уйгуров (внешне мало схожих друг с другом), не говоря уже о преемственности культур древнейшего иранского населения страны и позднейшего тюркоязычного; вся история Восточного Туркестана выглядит у нее достаточно калейдоскопично.

Восточный Туркестан изучался больше путешественниками, оставляющими разрозненные знания, впечатления и некоторые эмпирические обобщения, чем историками, способными на обобщения более высокого порядка. (Заслуживающие уважения историки типа В.В. Бартольда ближе к этим путешественникам, чем к историографам.)

«Вернуться к непрерывной нити истории»

Великий Тюркский каганат (от Маньчжурии до Азовского моря) и производные от него политии VI–VIII вв. так или иначе опирались на оазисы Кашгарии (см. [8, с. 103]). Поистине глобальную роль Восточный Туркестан сыграл в мировой империи татаро-монголов: именно отсюда началось ее строительство. Неменьшую роль он играл в континентальной империи Тимура. Таким образом, уже с древности Кашгария не была изолирована от сопредельных и отдаленных регионов и происходивших там процессов – более того, играла в них немаловажную (пусть не всегда заметную и не для всех очевидную) роль. Налицо взаимосвязь событий на пространстве от Атлантики до Тихого океана (см. [30, р. X, 111–114, 169–170]); именно Кашгария является здесь главным связующим звеном.

История Восточного Туркестана (отраженная в официальных китайских источниках) насчитывает более 2 тыс. лет, Синьцзяна как части Китая – менее 2,5 столетий, считая от 1760 г. «Судьба Синьцзяна» (в одноименной работе Д.В. Дубровской) действительно может рассматриваться как частный случай истории Китая и Центральной Азии в этот период. Но, поскольку Восточный Туркестан и Синьцзян тождественны только географически, но не исторически, судьба Восточного Туркестана должна рассматриваться на протяжении всей его реальной истории; прогнозировать историческое будущее этой страны и Китая можно только на этой, а не узко «синьцзянской» основе. В заголовке гл. 69 «Тарихи Рашиди» ее автор советует «вернуться к [непрерывной] нити истории». В XVI в. просвещенным людям вопрос этот был ясен.

В XIX–XX вв. Восточный Туркестан – объект большой игры Англии и России за влияние в Азии и мире в целом. Видя в нем звено в цепи буферов на северных рубежах Индии, англичане предпочли возвращение Синьцзяна дряхлеющей империи Цин, побежденной в «опиумных» войнах. В том контексте Индия стала «главным фактором в Среднеазиатском

вопросе» (А.Е. Снесарев). В данном качестве она фигурирует в Первой мировой войне: германская миссия фон Хентига проникает в Синьцзян из Афганистана с целью воздействовать отсюда сразу на тылы России и Британскую Индию. Во Второй мировой войне Синьцзян также играет важную роль в советской политике поддержки антияпонской борьбы Китая: снабжение военными советниками, летчиками, техникой и вооружением происходит кратчайшим путем через Синьцзян.

История настоящего и будущего

В Третьей мировой войне (началась в 1975 г., и ее латентная фаза уже позади) значение Синьцзяна возрастает в разы. Поскольку Китай – главный соперник слабейших Соединенных Штатов, американцы рассматривают Синьцзян как важнейший геостратегический объект: это самое слабое место развивающегося Китая. Не секрет, что проникновение НАТО в Афганистан и Среднюю Азию в 2001 г. преследовало цель занять позиции у ненадежных китайских тылов. Этот процесс буксует лишь потому, что в регионе сформировалась ШОС как сильнейшее континентальное объединение, а США увязли последовательно в Афганистане и Ираке. Но очевидный провал США в Восточном вопросе на протяжении последнего полувека (в Китае, Корее, Вьетнаме, Афганистане, Ираке по нисходящей исторической линии: Восточный вопрос был сначала ближне-, затем средне-, затем дальневосточным), и откат из Латинской Америки (реконструировать Панамский канал берется Китай) лишь толкает США во главе с не вполне адекватными лидерами к авантюрам.

Китайский Туркестан является ахиллесовой пятой КНР прежде всего ввиду разности и несовместимости исламской культуры иранцев и тюрок с китайской. В обстановке социального и политического неравноправия народов эта разность превращается в конфликт. Через Синьцзян проходит линия конфликта цивилизаций. Еще в 1976 г.(!) Я. Мюрдаль во время поездки в Тибет и Синьцзян наблюдал, как тибетец беспрекословно повиновался китайцу, а уйгур демонстративно его игнорировал. КНР чрезвычайно зависит от экономических связей с Казахстаном, от его энергоресурсов, по этой причине стимулируется ускоренное развитие северного Синьцзяна, где преобладают китайцы, тогда как уйгурский Юг остается сельскохозяйственным, сырьевым и традиционно-торговым, дотационным регионом – при всех его природных богатствах (см. [1, с. 94–95; 3, с. 183–187]). Однако в условиях накопившихся внутренних проблем и расширения внешних связей Синьцзяна со Средней и Южной Азией он вновь открывается для исламского фундаментализма и международного терроризма (наметился террористический треугольник Северный Пакистан–Фергана–Синьцзян). Нельзя не вспомнить, как в первой половине XIX в. маньчжурские власти Китая пошли на кондоминиум в Синьцзяне, разделив управление им с Кокандским ханством. Из Ферганы почти весь XIX век вторгались организаторы и активные участники антикитайских восстаний. Активная уйгурская оппозиция наших дней тесно сотрудничает

с Талибаном и аль-Каидой. Последние 10 лет в Синьцзяне не наблюдаются массовые выступления и восстания, но это всего лишь затишье. После 1955 г. было уже 15 восстаний (за XIX в. – 14), только за 90-е годы выявлено 30 подпольных организаций, около дюжины националистических центров действует в эмиграции. Инфильтрация и подрывная деятельность бывают эффективнее открытой неравной борьбы. В целом внутривнутриполитическое положение СУАР принципиально не отличается от описанного Н.Ф. Петровским (см. [11, с. 7–8]) и А.Е. Снесаревым (см. [16, вып. 21, с. 14; вып. 23, с. 26]) в XIX – начале XX в.

По последним данным, в рядах исламских экстремистов в Пакистане активизировались ходжи суфийского ордена Накшбандия-ходжаган. Их предшественники сыграли негативную роль в политической истории Средней Азии и Восточного Туркестана в XV–XVIII вв.: начав с устранения Улугбека, они перешли к дезорганизации монархии Моголов, тем самым проложив путь в Восточный Туркестан империи Цин. В середине 1860-х годов их устранил правитель независимого Восточного Туркестана Якуб-бек. Орден Ходжаган всегда отличался политическим экстремизмом в ущерб духовной практике и богословию; таковы и Черные ходжи XXI в. (см. [12, с. 99]); известно, однако, и то, что их мюриды всегда отличались послушанием, упорством и фанатизмом; иными словами, это серьезная ударная сила.

Синьцзян – «Черный центр» германской геополитики

Существует исторический прецедент подрывной геополитики Германии в Синьцзяне – подозрительная деятельность германских экспедиций, прежде всего нацистского востоковеда и геополитика С. Гедина в Монголии и Синьцзяне (по сведениям экспедиции Рерихов). Отряды Гедина работали в четырех пунктах Синьцзяна: в провинциальном центре Урумчи; на высокогорье Богдо-Ула; в Чарклыке, у старого входа в Синьцзян по Шелковому пути; в притяньшаньском Кучаре (они осваивали север, центр и юг Синьцзяна, подступы к нему из внутреннего Китая; см. [13]).

Все это было отнюдь не случайно. Германская империя с момента своего восстановления в 1870 г. обратила внимание на Синьцзян. Не случайно уже в 1872 г. в Йене был издан на немецком языке, готическим шрифтом дневник путешествия в Синьцзян английского коммерсанта и разведчика Р. Шоу, умершего при подозрительных обстоятельствах. В годы Первой мировой войны в тогда еще нейтральный Китай (опять же через Синьцзян) проникла из Афганистана миссия германского «дипломата» фон Хентига, но Китай вступил в войну на стороне Антанты и фон Хентиг был интернирован, но и впоследствии интерес Германии к Синьцзяну ничуть не ослабел.

Самый интересный документ о планах нацистской Германии в Синьцзяне был обнаружен в уцелевшей части архива личного штаба Гимmlера. Он содержит указание на «Черный центр» в Синьцзяне севернее Тяньшаня в виде треугольника Кобдо–Урумчи–Барсово озеро (Бар[с]кёль) (см. [4,

с. 106–107]), который опирается на Тяньшань, а нацелен в южную Сибирь. Версия о том, что документ не заинтересовал спецслужбы Германии, несостоятельна (так думал унтерштурмфюрер Руппман; но лейтенант не может решать такие вопросы за Шелленберга и тем более Гейдриха).

Если указанный треугольник географически малопривлекателен (каменистая пустыня и бездорожье), то исторически – напротив: от Монгольского Алтая к Джунгарским воротам шли войска Чингис-хана, на полпути между Урумчи и Барсовым озером находилась летняя столица уйгуров–союзников Чингис-хана – Бешбалык. Район Баркёля контролирует вход в Синьцзян со стороны Китая, который неоднократно использовали китайские войска времен империи. Наконец, район Кобдо всегда имел и имеет важнейшее геостратегическое значение. Российский Генштаб внимательно изучал значение Кобдо перед китайской революцией 1911 г. Столь же пристально смотрела разведка России на Джунгарию, и особенно на ее северный, Алтайский округ, сопредельный Кобдо. Оперативно-стратегическое значение Кобдо как важного азиатского перекрестка оценивалось весьма высоко. Но, кроме того, изучались оппозиционные Китаю монгольские и казахские националисты. Казахам китайцы именовали «тигры-мусульмане», некоторые вожди синьцзянских монголов хотели заменить ламаизм исламом как более боеспособным вероучением (см. [15, с. 63, 68–70, 347–348]). (В прошлом весь Восточный Туркестан прошел путь от буддизма к исламу.) Уйгурские националисты 30-х годов шли под недвусмысленным лозунгом «Наши предки – Тимур и сам Чингис-хан» (см. [26, с. 2–3]), что сближало их с монголами и казахами.

В 1942 г. немецкий транспортный самолет пытался пролететь в Токио через Казахстан и Синьцзян. Он не долетел до Синьцзяна и после вынужденной посадки был захвачен опергруппой НКВД. Эсэсовцы летели подключиться к расследованию дела Зорге, но это была явно не единственная их цель, было еще как минимум две: дезавуировать прогнозы группы Зорге насчет бесперспективности японского наступления на советский Дальний Восток и синхронизировать его с наступлением на Сталинград. Вторая задача – синхронное наступление из Синьцзяна в направлении Транссиба. Часть эсэсовцев явно должна была остаться в Синьцзяне, где беспринципный губернатор Шэнь Ши-цай изменил СССР и был готов поддерживать Германию. Можно было использовать различных радикалов-националистов – прежде всего казахов и монголов, особенно мусульман; Гиммлер считал ислам перспективным оружием и создавал мусульманские части СС. Среди них был «Восточнотюркский» легион, судя по этимологии нацеленный в перспективе на... Восточный Туркестан. Мобильные формирования казахов и монголов вполне было можно в духе Чингис-хана бросить на север (при этом 1000 км, из которых 500 приходились на Туву, не препятствие, к тому же демонстрация была важнее непосредственного результата). Недолетевший самолет сорвал дерзкий план удара по СССР с трех направлений, но главное – из Синьцзяна.

В конце Корейской войны советскому военному переводчику-китаисту офицер НОАК сделал в Синьцзяне презент – вручил в качестве сувенира

кинжал офицера СС, убитого в этих краях. Иными словами, разведгруппы СС действовали не только в Тибете (откуда их вывели), но и в Синьцзяне (где они явно остались). Однако действовать самостоятельно, без руководства и подкреплений из Берлина, они не могли.

Идея удара по СССР из Синьцзяна была навеяна культом «копья Лонгина» (центуриона Лонгина Кассия, заколовшего Христа). Эта святыня нацистов была перевезена в Германию из Вены после аншлюса как залог и орудие мирового господства (см. [19]). В реалиях 1942 г. гитлеровцы намеревались связать руки России на западе и востоке (распять), а затем нанести «удар Лонгина» с юга. Треугольник Кобдо–Урумчи–Бар[с]кель не более чем острие геополитического копья. Идеи и планы Третьего рейха наследуются новыми претендентами на гегемонию в мире – таков один из непреклонных законов истории.

Спираль современных конфликтов

Сюжет с геополитическим «копьем Лонгина» (чей наконецник завернут спиралью) требует внимания и в наши дни: в архив был сдан документ, но не идея. Синьцзян – ахиллесова пята не только КНР, но и России, чем бы ни оказался для России Китай. Заостренная алтайская граница России с Синьцзяном напоминает гвоздь, который пока не ощущается.

Синьцзян как важнейший фактор глобального геополитического положения КНР (доступ в Среднюю Азию, Южную Азию и на Средний Восток) – «ключ ко всей мировой политике». Сто лет назад эту роль играла Индия – «жемчужина Британской империи». Роль последней постепенно переходит к Китаю, а роль «жемчужины» — к Синьцзяну, более чем вероятному театру Третьей мировой войны. Конечно, опасность превращения Синьцзяна в театр войны еще не идентична угрозе, а театр войны еще не театр военных действий. Опасность отличается тем, что ее можно так или иначе упредить (генерал А. Бофр советует «предвидеть возникновение угроз, с тем чтобы их вовремя предотвратить» [23, р. 272–273]), тогда как угрозу остается лишь парировать с немалым трудом и потерями. Локальные, а тем более включенные в глобальные процессы беспорядки в Синьцзяне неизбежно скажутся на безопасности России. Они скажутся вдвойне и втройне в случае неготовности к ним.

Предотвращение этой худшей альтернативы вполне возможно. Для этого нужно уяснить логику истории Восточного Туркестана как явления не случайного и не малозначительного на периферии Китая. Судьба Синьцзяна может еще быть сравнительно легко определена тем, что КНР довлеет над ним в государственном отношении. Но судьбу Восточного Туркестана, чьи исторические корни слишком глубоки и цивилизация ничуть не моложе китайской, так просто решить нельзя. Инерция восточнотуркестанской истории сильнее воздействия китайской цивилизации (по времени – вдесятеро, соразмерно длительности автохтонного развития, с одной стороны, и воздействия Китая – с другой).

Научное освоение истории Восточного Туркестана пока отстает от потребностей жизни. Метафору «двух концов свечи» Д. Росса можно понять как соревнование научного знания и опережающей жизни. В данном случае историческая наука превращается в сочетание разведки (мониторинга) «атипичных известностей» (явлений привычного типа) и активного научного поиска «атипичных неизвестностей» (явлений нового типа) нового мирового беспорядка (управляемого хаоса современной истории; см. [6, с. 18]). Указанная роль исторической науки в новых условиях более чем велика: по определению французского геополитика генерала П.-М. Галлуа, «наука играет роль намного более определяющую, чем территория, демография или промышленное производство» [25, с. 362].

Метафору свечи Д. Росса можно оценить и методом иранского поэта Хафиза, который говорил о необходимости обеспечить «спокойствие двух миров» [20, с. 17] – в нашем случае надежной теории атипичных явлений и максимально возможного управления историей. В отношении истории Восточного Туркестана становится очевидным преимущество в ее изучении ученых перед путешественниками, военных – перед гражданскими и геополитиков – перед узкими специалистами традиционного типа.

Литература

1. *Баженова Е., Островский А.* Синьцзян от Турфана до Кашгара // Проблемы Дальнего Востока. 2006, № 2. С. 94–95.
2. *Бартольд В.В.* История изучения Востока в Европе и России // *Бартольд В.В.* Сочинения. Т. 9. М., 1977.
3. *Бондаренко А.В.* СУАР КНР: актуальные проблемы развития // Китай: новые горизонты реформ. Ч. 1. М., 2005. С. 183–187.
4. *Васильченко А.* Мистика СС. М., 2005.
5. *Зотов О.В.* Китай и Восточный Туркестан в XV–XVIII вв.: межгосударственные отношения. М., 1991.
6. Идеология и спецслужбы. М., 2005.
7. *Кляшторный С.Г., Колесников А.А.* Восточный Туркестан глазами русских путешественников. А.-А., 1988.
8. *Кузнецов В.С.* Императорский Китай, Иран и исламский мир // Северная Азия и соседние территории в средние века. Новосибирск, 1992.
9. *Литвинский Б.А.* Исторические судьбы Восточного Туркестана и Средней Азии // Восточный Туркестан и Средняя Азия. М., 1984.
10. Отчет консула в Кашгаре Петровского (1885 г.) // Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии, вып. 22. СПб., 1886.
11. *Петровский Н.Ф.* Отчет консула в Кашгаре Петровского (1885 г.) // Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии, вып. 22. СПб., 1886.
12. Региональные и глобальные угрозы терроризма: пути выхода. М., 2006.
13. *Рерих Ю.Н.* Свен Гедин // *Юрий Рерих.* Тибет и Центральная Азия. Самара, 1999.
14. Россия. Сибирь и Центральная Азия. Барнаул, 2005.

15. Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии, вып. 86. СПб., 1913.
16. Сведения, касающиеся стран, соприкасающихся с Туркестанским военным округом, вып. 21, окт. 1900 г.; вып. 23, дек. 1900 г.
17. *Снесарев А.Е.* [Рец. на:] «Сердце Азии» Скрайна и Росса // Сведения, касающиеся стран, соприкасающихся с Туркестанским военным округом, вып. 20. Ташкент, 1900.
18. *Снесарев А.Е.* [Рец. на:] *В.В. Бартольд.* История Ирана. СПб., 1903. // Сведения, касающиеся стран, соприкасающихся с Туркестанским военным округом. Вып. 49. Ташкент, 1904, № 1. С. 35–39.
19. *Телицын В.* Грааль и Третий рейх. М., 2004.
20. *Хатами М.* Спокойствие двух миров // Центральная Азия: диалог цивилизаций в XXI в. А.-А., 2003.
21. *Хлобустов О.М.* Разведка на задворках империи // Независимое военное обозрение. 2005, № 29.
22. *Aubin F.* *L'arrière-plan historique du nationalisme ouïgour du Turkestan Oriental dès origines au XX siècle* // Cahiers d'études sur la Méditerranée Orientale et le monde turco-iranien (CEMOTI). No. 25. 1998.
23. *Beaufre A.* Le drame de 1940. P., 1965.
24. *Dughlat M.H.* The Tarikhi Rashidi (a History of Moghuls of Central Asia). L., 1895.
25. *Gallois P.-M.* Paradoxes de la paix. P., 1967.
26. *Kurban I.* Dogu Turkistan icin savas. Ankara, 1995.
27. *Milword J.* Historical Perspectives on Contemporary Xinjiang // Inner Asia, V. 2. 2000, No. 2.
28. *Morgan G.* Ney Elias. L., 1971.
29. *Ross E.D.* Two Ends of the Candle. L., 1943.
30. *Teggart F.J.* Rome and China. Berkeley, 1939.